

МАРИЯ ЯЛОВИЧ-СИМОН

НЕЛЕГАЛКА

MARIE
JALOWICZ SIMON

UNTERGETAUCHT

Eine junge Frau
überlebt in Berlin
1940–1945

*Bearbeitet von Irene Stratenwerth
und Hermann Simon
Mit einem Nachwort von Hermann Simon*

МАРИЯ
ЯЛОВИЧ-СИМОН

НЕЛЕГАЛКА

Как молодая девушка
выжила в Берлине
в 1940–1945 гг.

*Обработка Ирены Штратенверт
и Хермана Симона*

Послесловие Хермана Симона

Перевод с немецкого Н. Федоровой

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44
Я51

**GOETHE
INSTITUT**

Издание этой книги осуществлено при финансовой поддержке Немецкого культурного центра им. Гете
*Die Herausgabe des Werkes wurde aus Mitteln
des Goethe-Instituts gefördert*

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Ялович-Симон, Мария
Я51 Нелегалка. Как молодая девушка выжила в Берлине в 1940–1945 гг. / МАРИЯ ЯЛОВИЧ-СИМОН; обработка И. ШТРАТЕНВЕРТ, Х. СИМОНА; послесл. Х. СИМОНА; пер. с нем. Н. ФЕДОРОВОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2018. — 432 с.

ISBN 978-5-17-104932-4

Мария Ялович (1922–1998), дочь адвоката-еврея, сумела уцелеть при национал-социализме, скрываясь от властей в Берлине. После освобождения в 1945 году осталась в городе, стала профессором античной литературы и культурологии в Университете им. Гумбольдта. Ее сын Херман Симон, основатель и многолетний руководитель фонда “Новая Синагога — Centrum Judaicum”, упросил мать незадолго до смерти надиктовать на пленку историю ее спасения. На основе 77 кассет он вместе с писательницей Иреной Штратенверт подготовил эту книгу. На русском языке издается впервые.

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-104932-4

- © Hermann Simon und Irene Stratenwerth, 2014
All rights reserved by S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main
- © Н. Федорова, перевод на русский язык, 2018
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018
- © ООО “Издательство АСТ”, 2018
Издательство CORPUS ®

Содержание

Пролог, 1942 г. 7

Часть первая

“Найти свое место”

Детство и юность в Берлине

17

Часть вторая

“Одна в ледяную пустыню”

Принудительные работы на заводе “Сименс”

39

Часть третья

“Радуга неопишуемой красоты”

Попытки бежать и переход на нелегальное положение

99

Часть четвертая

“Во всем виноват враг”

Первая нелегальная зима

163

Часть пятая
“Я была барышней без имени”

С 1943 г. почти нормальная жизнь

265

Часть шестая
“Мне сдаваться не требуется”

Война кончилась

347

<i>Послесловие</i>	392
<i>О действующих лицах</i>	416
<i>Иллюстрации</i>	421
<i>Благодарности</i>	422
<i>Адреса Марии Ялович в 1922–1945 гг. на карте</i>	426

Пролог, 1942 г.

На улице очень холодно, уже стемнело. Пивная находилась на Вассерторштрассе, в той части Кройцберга, где я никогда еще не бывала. Вхожу — в зале пока ни души.
— Э-эй! — послышалось из подсобки.

В открытую дверь я увидела женщину, которая зашивала шубу. По всей видимости, ей совершенно не хотелось прерывать свое занятие и тащиться ко мне.

Послал меня сюда Бенно Хеллер. Сказал, что надо обратиться к единственной здешней официантке, некой Фелицитас. Она была из числа его пациенток. Вообще-то ей, так называемой полукровке, полагалось носить желтую звезду, но она ее не носила. Врач-гинеколог Хеллер уже несколько раз пристраивал меня в разные места, однако теперь предупредил: эта Фелицитас занимается весьма темными делишками. Он бы предпочел не давать мне ее адрес. Только вот не знает больше никого, кто способен мне помочь.

На меня нахлынул огромный, глубинный страх: все в этой ситуации и в этой округе было мне чуждо. Тем не менее я взяла себя в руки и в нескольких словах объяснила Фелицитас, зачем пришла.

Она ненадолго задумалась. Потом объявила:

— Придумала! Скоро явится Резиновый Директор. Вечером он тут завсегда почитай что первый. Пожалуй, в самый раз будет.

До поры до времени она велела мне стать возле стойки, будто я обычный посетитель и просто пью пиво.

Немного погодя в пивную вошел тот, кого она называла Резиновым Директором. Я пришла в ужас. Ему было лет пятьдесят с небольшим, и двигался он с невероятным трудом. Словно ноги у него из резины. За эту странную моторику он и получил свое прозвище, а к тому же, как я узнала впоследствии, действительно был директором маленькой мастерской.

Речь у него была под стать походке. Этакая словесная мешанина или каша, которую он извергал лишь после нескольких заходов. Чтобы его поняли, он снова и снова повторял одно и то же в надежде, что получится разборчивее. Меня опять обуял жуткий страх. Знакомая докторша как-то рассказывала мне про пациентов с так называемой сухоткой спинного мозга, наблюдавшихся у нее в психиатрическом отделении: эти люди страдали от отдаленных последствий сифилиса. От нее я узнала, что ходят они как бы на резиновых ногах и не могут правильно артикулировать. Говорят не “прихватка”, а “приватка”, поправляют себя, получается “пиатка” — точь-в-точь как этот человек, стоявший сейчас передо мной.

Что именно Фелицитас с ним обсуждала, я не слышала. Но задним числом сообразила, что она продала меня ему за пятнадцать марок. Она запросила двадцать, он предложил десять, а потом они сошлись на средней сумме. Прежде чем мы с ним покинули пивную, Фелицитас налила своему завсегдаю еще пива, а мне сказала:

— Ты заходи как-нибудь вместе с ним.

В подсобке она мне рассказывала, какую историю ему преподнесет. Я, мол, ее старая знакомая. Муж мой на фронте, я живу у его родителей. Отношения с ними стали мне настоль-

ко неумогу, что я упросила ее найти мне какое-нибудь жилье, все равно какое. Вдобавок Фелицитас шепнула, что Карл Галецки, Резиновый Директор, чуть ли не одержимый фанатик-нацист.

Потом мы ушли. На морозе у обоих перехватило дыхание. Он предложил мне руку. Но ни я, ни он не говорили ни слова.

Покрытый ледяной коркой снег ярко сверкал. Ведь близилось полнолуние. Я посмотрела на небо: лицо лунного человека казалось огромным, пухлое лицо с хамоватой ухмылкой. Я чувствовала себя до смерти несчастной. Собаки могут хотя бы выть на луну, думала я, а мне и этого нельзя.

Но я взяла себя в руки. Подумала о родителях и начала с ними безмолвный разговор. “Вам совершенно незачем обо мне беспокоиться, — говорила я. — Не зря же вы меня воспитывали. То, что я испытываю здесь и сейчас, не оказывает на меня, на мою душу, на мое развитие ни малейшего влияния. Я просто должна все вытерпеть”. Это немного меня успокоило.

Резиновый Директор жил недалеко от пивной. Только вот из-за его походки шли мы очень-очень медленно. Наконец добрались до большого доходного дома с аркой. Прошли через подворотню во двор. Там стоял длинный барак, в котором он жил. Чуть дальше я разглядела второй барак, где размещалась его мастерская.

Карманным фонариком он нерешительно осветил на входную дверь, искал замочную скважину — ведь в городе было затемнение. Рядом со звонком я заметила табличку с фамилией. И тут сделала первую ошибку. Чтобы подавить жуткий страх, попыталась сострить, отвесила шуточный поклон и сказала:

— Добрый вечер, господин Галецки.

Он насторожился. Очевидно, за всю его жизнь я первая назвала его не “Галецки”. Но откуда я могла знать, как произносится польское “с”? Чтобы объяснить, пришлось быстренько соврать: мол, в детстве напротив нас жил его однофамилец,

Мария Ялович в двадцать лет. 1942 г.

тоже Галецки, поляк, и он настаивал на таком произношении. Резиновый Директор с ходу заинтересовался: уж не его ли это родственник? Кто он был по профессии? И так далее.

Затем мы вошли в барак. Жил он там один-одинешенек. Жена, как он, запинаясь, сообщил, бросила его, потому что не хотела жить с инвалидом. Многие годы он провел в больницах и санаториях. И теперь предавался страсти, которая помогала ему скрасить одиночество, — рыбкам. Справа и слева все стены длинной комнаты были сплошь в аквариумах. Лишь кое-где оставили место для мебели, но в целом барак населяли главным образом рыбки. Я спросила, сколько их. Он и сам давно потерял им счет, тут обитало несметное количество разных видов.

Потом он долго, то и дело сражаясь с произношением отдельных слов, просвещал меня насчет того, что жизненные привычки у него давно устоялись и он отнюдь не намерен их менять. Я реагировала весьма снисходительно.

— Разумеется, ты будешь каждый вечер ходить в свою любимую пивную. Мы съехались, но мешать друг другу вовсе не собираемся, — успокоила я его и добавила: — И обедать, разумеется, будешь, как всегда, у своей мамы.

С самого начала мы были на “ты”. Спонтанное пивнушное тыканье плеев.

В самом конце длиннющего барака стояла между аквариумами его кровать, а в самом начале — кушетка. Там я и буду спать. Он показал, где взять одеяло, подушку и постельное белье.

Что он фанатичный нацист, я бы и без Фелицитас мигом выяснила. Ведь сейчас он с гордостью рассказывал, что в санатории склеил из спичек макет Мариенбурга¹ и послал в подарок фю-

¹ *Мариенбург* — замок тевтонского ордена, расположенный ныне в польском городе Мальборк, построен в 1276 г. (*Прим. перев.*)

реру. Потребовал угадать, сколько спичек ушло на постройку. Я назвала первое попавшееся большое число, которое, конечно, оказалось слишком маленьким. Он с восторгом поправил меня и показал несколько газетных вырезок с фотографиями этого миниатюрного чуда и похвалами в его адрес. Я тоже похвалила.

Довольно далеко в глубине этого странного жилища висела на стене рамка с пустым паспорту. “Господи, — подумала я, — не иначе как кто-то решил таким манером изобразить *nihil*¹ или подобное безумство”. Когда делали окантовку, в паспорту ненароком попал волос: он лежал по диагонали на свободном пространстве, демонстрируя довольно странную окраску.

— Знаешь, что это? — спросил он, показывая на рамку.

— Нет.

Даже если бы догадывалась, ни за что бы не сказала. И в конце концов Галецки открыл секрет. Эта вещь досталась ему с большим трудом и стоила немалых денег, сказал он, закрыв глаза. Это волос овчарки фюрера.

— Ах, — сказала я, — я не рискнула высказать такое предположение, чтобы не обидеть тебя, если ошибусь. Но это же чудесно!

Потом он показал мне кухню и кое-что, чего я никак не ожидала в этом сумасшедшем аквариуме: боковую дверцу, которая вела в нормальную, приличную ванную.

Мы еще посидели вдвоем. Я привыкла к словесной каше, которую он извергал из себя, и не смотрела на него с любопытством. Так что он мало-помалу отпустил тормоза и дал волю своим нацистским воззрениям. А я ужасно боялась выдать себя. Могла, конечно, удержаться от неуместных реплик, но телесные реакции полностью не проконтролируешь. Например, он заявил:

1 Ничто (*лат.*).

— Явреев, явеев, евреев надо всех истребить.

Я почувствовала, что краснею, вскочила и показала на один из аквариумов:

— Смотри-ка, рыбки вот только что резвились не так, как раньше!

Он захлопал в ладоши: браво! Как внимательно я наблюдаю за его любимицами!

Меня захлестнули такой страх и отчаяние, что я обратилась к рыбкам. Я не знала для них *брахи*, еврейского благоговения, да и вообще не была уверена, что Бог существует. Но, с другой стороны, Он — *ха-кадош барух ху* — был моим надежным приятелем, и я сказала ему: “Ты должен принять эту *браху* такой, какой она у меня вышла. Раз ты не позволяешь мне иметь даже *сидур*, молитвенник, и какой-нибудь справочник, то не можешь требовать от меня языкового совершенства”.

Думаю, он был вполне разумен и понятлив. Моя импровизированная *браха* гласила: “Хвала тебе, Царь мира, *боре ха-дагим*, создатель рыб”. Мысленно я обратилась и непосредственно к рыбкам: “Моя жизнь в опасности, я совсем одна, всеми покинута. Вы невинные создания, как и я. Пожалуйста, немые рыбки, хоть вы замолвите за меня словечко, раз люди бросают меня в беде”.

Немного погодя Резиновый Директор произнес:

— Я должен сказать тебе кое-что, что мне говорить очень трудно, и буду краток.

Опустив голову, он со слезами на глазах объяснил, что вынужден меня разочаровать: он уже не способен ни на какое сексуальное общение. Я постаралась принять это нейтрально и дружелюбно. Но меня обуяло такое ликование и такое облегчение, что я не смогла усидеть на месте. Сбежала в туалет.

Это был самый возвышенный и самый возвышающий визит в туалет за всю мою жизнь. Я представила себе, разумеется в сокращенном виде, вечернее пятничное богослужение,

на каких часто присутствовала в Старой синагоге. “Прошу вас, милые мальчики-хористы, пойте!” — думала я, вызывая в памяти их пение. Для того чтобы поблагодарить за спасение от смертельной опасности.

Не знаю, чем уж Галецки тогда болел на самом деле, но я считала его сифилитиком. Если бы мне пришлось делить с ним постель, моя жизнь оказалась бы под угрозой. Узнав, что до этого не дойдет, я испытала глубочайшее облегчение и чувствовала себя словно освобожденной. “*Ха-Шем ли ве-ло ира* — Господь со мной, и я не устращусь”, — мысленно произнесла я, прежде чем вернуться к Галецкому.

Барак Резинового Директора стал бы для меня действительно идеальным укрытием, не будь этот человек таким жутким нацистом.

Часть первая

“Найти свое место”

Детство и юность в Берлине